

Сергей Николаевич Белкин –

главный редактор альманаха
и портала «Развитие и экономика»

Скрещивание (не)возможно

Россия и Америка... СССР и США...

Мы давно живем в этой системе координат. Много пережито в отношениях между нашими странами и народами, но до сих пор не найдены ни их взаимоприемлемая форма, ни их взаимовыгодное содержание. Когда-то был выдвинут тезис о мирном сосуществовании двух систем, и несколько десятилетий сохранялась видимость, что это возможно. Однако в течение всего этого периода одна система целенаправленно другую систему разрушала и в конце концов разрушила. Не было мирного сосуществования, ни одного дня его не было. Войну, названную холодной, против нас вели каждый день. А мы неумело защищались, наши правители не оказались во всеоружии интеллектуально, не смогли оказать адекватного политического сопротивления, в результате продемонстрировали свою неготовность к сбережению народа, его ценностей и его государства.

Наступило время, когда мы прекратили существовать как коммунистическая система, одновременно с этим перестали быть и целостным государством русского народа, создававшимся веками. Остался «остров Рос-

сия», отказавшийся от всего: от земель и населяющих их людей, объединившихся некогда в общее, большое и сильное государство, от какого бы то ни было влияния на все остальные страны и народы мира. И объявивший о принятии системы ценностей победителя в качестве своей собственной, позаимствовавший чужие правовую и этическую системы. Россия отказалась от своего производства и рынков сбыта, от системы образования и воспитания, от гордости за собственное прошлое, заменив его презрением, отказалась от осуждения врагов, поменяв его на их почитание... Но чем больше потерь, тем отчетливее видно то, что еще осталось. Изначально неравноценный и безнравственный обмен права первородства на чечевичную похлебку не сразу, но начинает осознаться. Сквозь вихрь потерь, с которыми смирились, проступают контуры остова, очертания базиса, фундамента, с утратой которого мы исчезнем уже не только как государство, но и как народ со всей своей памятью, любовью, радостью и слезами.

Но процесс нашего распада, разрушительный вихрь потерь все еще бушует. Россию продолжают прессовать извне и разъедать изнутри. Мы бо-

ремся друг с другом, призывая плыть к разным — но всегда чужим — берегам. Мы ненавидим друг друга за то, что наши ценности и представления о добре и зле не совпадают.

А Америка тем временем продолжает свою долгую игру, не снижает напора и не меняет своих целей. В нашей стране немало людей, которых смогли убедить в том, что американская модель жизненного устройства хороша не только для Америки, но и для России. Эти люди есть во всех слоях общества — от простых парней, любящих джинсы и айпады, до политиков, цинично ожидающих свой приз за окончательную сдачу России западным корпорациям. Есть спецотряды идеологов и экономистов, насаждающих точку зрения, согласно которой наилучший путь для России — принять американскую модель политического и экономического устройства, американские нормы жизни, мораль и ценности. Их аргументы не столько убедительны, сколько интенсивны. Но во-

прос вовсе не в масштабе контрпропаганды с нашей стороны. Надо найти ответ на более глубокий вопрос: возможна ли российско-американская гибридная, что даст американский привой на российском подвое? Есть ли какие-то глубинные, генетические противоречия, не позволяющие возникнуть чему-либо жизнеспособному в результате такого скрещивания, или же, наоборот, нас ожидает расцвет и развитие всего, что составляет нашу национальную суть?

Экспериментальная проверка этих идей нежелательна, поскольку необратима. Надо попытаться максимально глубоко и всесторонне предварительно исследовать проблему и руководствоваться теоретическим прогнозированием. При этом не следует доверять ни напору, ни статусу, ни обаянию тех, кто клятвенно призывает к немедленному осуществлению подобного проекта. На поверку чаще всего выходит, что стремящиеся к такому скрещиванию одер-

жимы либо алчностью, свойственной самой природе экстенсивного развития современного капитализма и его боевого авангарда — ТНК и мировой финансовой системы, — либо цинизмом наемников, либо наивной благоглупостью бытового мещанства. Важно осознавать, что же может получиться в результате той или иной гибридной? Что при этом мы — Россия, русский народ — теряем, а что приобретаем? Выгодна ли такая замена или хотя бы равноценна? А осознав, обрести в этом либо силу и решимость к сопротивлению насильственной гибридной, либо... Либо научиться безучастно взирать на гибель, исчезновение собственного народа. Самое сложное в этом анализе — вернее, в самой попытке такой анализ провести — это отсутствие всего, что нужно: критериев, языка, методов... Что конкретно нельзя подвергнуть американизации, а что — можно? Почему одно можно, а другое — нельзя? И что такое американизация?

Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков в Ванкувере после беспосадочного перелета из Москвы через Северный полюс в 1937 году

Идеологи из ЦК КПСС боролись с американизацией. Они опасались проникновения признаков американского образа жизни — джинсов, рок-н-ролла, автомобилей... Но опасались не только этого — не такими уж поверхностными они были. Они боялись и самого главного: крушения «коммунистических идеалов» и пробуждения «мелкобуржуазных инстинктов». Боялись, боролись, но — проиграли. Проиграли, потому что не смогли определить, что является фундаментальной ценностью для большинства советских людей. Защищать надо было не те ценности, которые должны были быть, исходя из формул «самого верного учения», а те, которые имелись фактически. Все, что они успели осознать, это: «Мы не знаем страны, в которой живем». Важное осознание, но запоздалое. Как бы нам и сегодня не опоздать.

А чего сейчас мы боимся? Вернее, что в себе самих не хотим потерять? Кто и как должен нам об этом сказать? Как это «самое главное» выявить, измерить? Как это сделать политически и практически осязаемой сущностью? Какие это «принципы» и «идеалы», которыми мы не можем поступиться? И еще один вопрос: а кому все эти вопросы надо задавать, от кого ожидать разумного ответа?

Мы видим свою роль — как публицистов — в формулировании общественно значимых вопросов, высказывании тезисов, нуждающихся в дальнейшем развитии, указании на тех, кто, по идее, должен откликнуться на наши призывы. Размышляя о возможности скрещивания России и Америки, несложно представить позитивные и негативные последствия, скажем, в промышленной, в финансовой сфере, в научных исследованиях и

разработке технологий, в торговле, в сельском хозяйстве. Во всех этих и многих других областях сотрудничества вероятны, повторим, и положительные, и отрицательные последствия, которые реально можно предвидеть.

Сложнее просчитать последствия скрещивания для культуры. Здесь тоже есть позитивы и негативы. Скажем, абсорбция российского кино американским приведет, скорее всего, к полной утрате отечественного кинематографа. Есть и менее предсказуемые взаимовлияния: театров, музыкальных культур, архитектурных и живописных школ... Но самое важное, что обязательно надо предвидеть и что предвидеть сложнее всего, — это влияние на системы традиционных ценностей каждого из народов. Если об этом никак не заботиться и пустить все на самотек, почти с неизбежностью произойдет ассимиляция одной из ценност-

ных матриц. А это то же самое, что исчезновение народа. И мы сегодня не знаем, как этому противостоять, мы не в состоянии даже просто фиксировать изменения, происходящие в нашем ценностном ядре, в различных сегментах общества. Российско-американская гибридизация в ходе взаимодействия и взаимовлияния культур, ценностей и этических систем происходит непрерывно в рамках процесса, называемого глобализацией. Так что умение отслеживать трансформации нашей ценностной матрицы и этической системы является актуальной задачей практической политики.

Цель предлагаемой статьи — публицистическая. Изложим канву наших размышлений в виде тезисов, некоторые из них снабдим комментариями во второй части текста.

1. Каждому народу присуще ощущение — как осознанное и тем или иным способом сформулированное, так и подсознательное — наличия некоего набора характеристик, которые он считает и воспринимает как общественные ценности. В рамках тезиса мы не пытаемся их перечислить, а просто отмечаем, что таковые ценности существуют и могут быть названы, исследованы и даже взвешены. Их совокупность мы называем ценностным ядром или ценностной матрицей народа.

2. Употребив в первом тезисе слово «народ», мы упростили картину. На самом деле у любого многочисленного народа существуют социальные группы, придерживающиеся разных ценностных матриц. Этот факт порождает вопрос: если народ состоит из каких-то групп, из социумов, не связанных единым ценностным и этическим базисом, то в какой мере можно говорить о его целостности? Какими нитями эти социальные группы связаны в народ — и связаны ли? Не

являются ли эти нити слишком слабыми, если нет прочного общего осознанного базиса? Что является или может являться таким базисом?

3. Ценностная матрица — это некий базис, на котором и из которого произрастают поведенческие мотивации и критерии. Правила, предписывающие тот или иной алгоритм поведения, — это и есть этическая система.

4. Этическая система оперирует набором ценностей, влияет на их иерархию и придает поступкам характеристики в пространстве «правильно—неправильно», «добро—зло». Исторически этические системы складывались как образец поведения, необходимый социальной группе — изначально племени, роду, — для достижения определенных результатов: выживания, жизнеобеспечения, безопасности и т.д. Впоследствии этические системы закрепились в форме разнообразных религиозных и светских учений, кодексов, норм, императивов и пр.

5. Ценностная матрица и этическая система являются устойчивыми идентификационными признаками и свойствами социальной группы и иных видов людских сообществ. При этом они — ценностная матрица и этическая система — не являются абсолютно неизменными сущностями. Их динамика и пределы допустимых и желательных изменений — предмет специальных и очень важных осмыслений, рефлексий, которые еще не завершены: у нас пока нет обоснованных критериев для оценки допустимых трансформаций.

6. Политики и финансово-промышленные группы, стремясь к политическим и материальным целям, навязывают свое видение мира, свои ценности, свои модели поведения, представления о добре и зле. Как социальные группы, так и те

политические силы, которые они формируют, в конечном счете видят свои цели именно в пространстве ценностей и этики, облекая их в формы идеологических, политических, религиозных доктрин.

7. Идеологии, социально-политические и социально-экономические доктрины и парадигмы являются следствиями, вторичными конструкциями, созданными на базисе этических систем и ценностных матриц. Поэтому, чтобы управлять чем-либо в пространстве идеологий и парадигм, надо научиться опираться на ценностный и этический базис, исходить из него.

8. Практическая политика мало и пока неэффективно использует знания, накопленные в аксиологии и этике. Ее инструменты — это идеологии и так называемые интересы — мотивационно-целевые комплексы. Существует понятийный и методологический вакуум, разрыв между имеющимся знанием и практической политикой. У политиков нет ни языка, ни методов включения ценностных и этических свойств общества в арсенал политической практики. У них нет также выраженного стремления к поиску опоры на этический базис.

9. Ценностная матрица и этическая система должны быть осмыслены, измерены и положены в основу выработки политических стратегий. Практическая политика должна опираться и исходить из знания ценностных матриц и этических систем стран, народов и социальных групп.

10. На России, на ее политических лидерах, на ученых и деятелях культуры лежит историческая ответственность, миссия стать лидерами в разработке и внедрении в практику основ этической политики, понимаемой не как поведенческие аспекты деятельности политических лидеров и госу-

дарств, а как неотъемлемое свойство, как базис существования стран и народов.

Тезисами мы обозначили некое пространство смыслов и целей: исследовательских, публицистических и политических. Используемые нами понятия нуждаются в уточнении смыслов и сфер применения.

Ценности

Спектр того, что относят к ценностям общества, очень широк. Не существует устойчивого и общепринятого перечня ценностей. Ценность может быть объектом или идеалом, может быть атрибутом объекта или образа. Ценность — как мера полезности — не является абсолютом, инвариантом, она всякий раз заново определяется — в зависимости от конкретных обстоятельств, условий, а также целей и этических ориентиров оценивающего.

То, что мы называем общественными ценностями, часто воспринимается людьми как нечто само собой разумеющееся, как общепринятое. Грань между личными ценностями и общественными расплывчата. Среди потребностей есть чисто физиологические — естественные надобности, — однако, например, естественная потребность в еде удовлетворяется через совместные действия многих людей. Пройдя путь от совместной охоты и совместной обработки земли до современного потребительского общества, эта потребность превратилась — уже усилиями общества — в ценность изобилия. То есть даже фундаментальные, инстинктивные потребности могут стать базой для формирования социальных ценностей, которыми можно управлять, тасуя их иерархию в интересах тех, кто торгует удовлетворением потребностей. Общественные ценности не являются чем-то неизменным.

Они меняются и от общества к обществу, и от одной социальной группы к другой в пределах одного общества, одной нации и государства. Меняется иерархия ценностей, их состав и — что составляет наибольшую трудность — их содержание, описываемое в одних и тех же категориях. Так, например, категория «справедливость» принимается и признается ценностью во всех обществах и социальных группах. Однако малоимущий видит справедливость в более равномерном распределении богатства, а богатый — в том, что ему воздано по его заслугам и талантам. В современной политике мы со всей отчетливостью видим глубокое несовпадение представлений о справедливости. Достаточно вспомнить рассуждения известных западных политиков о том, что владение Россией ее полезными ископаемыми несправедливо и ими должны владеть или вообще другие страны, или другие наравне с Россией.

Стремление навязать свои ценности другим — отличительная черта современной политики глобализации по-американски. Ценности — оружие войны. Именно ценности — а не «печеньки» — были розданы в Киеве для осуществления переворота. Патронами стреляли тоже, но команду стрелять и убивать отдавали головы и сердца, охмуренные необходимыми ценностями и надлежащим этическим механизмом.

Наступление на ценности народа, который хочется завоевать, устранить, чьими природными богатствами хочется завладеть, идет в разных формах и по разным фронтам. Одно направление — внедрять в сознание народа представления о том, что его ценности являются тормозом его собственного развития. Так, например, указывается, что чувство

коллективизма блокирует развитие индивидуальности, лишает общество появления ярких талантливых лидеров, способных к созиданию нового. Или внедряется в сознание тезис: православная религия тормозит всякое развитие, поскольку она считает, что земная жизнь явление вообще малоценное и дана лишь для надлежащей подготовки души к жизни вечной, что единственная цель — личное спасение. То, что оба утверждения неверны и являются информационным оружием, следует, разумеется, знать. Но, к сожалению, это оружие действует, потому что у очень многих людей не хватает средств интеллектуальной самозащиты. Еще один вид информационного оружия в ценностной войне — увязывание всех своих достижений именно и только с «правильной» системой ценностей, умалчивая об истинных источниках достигнутого богатства и комфорта.

Наряду с навязыванием своих ценностей другим народам существует и противоположный процесс — удержание, сохранение существующей системы ценностей. На языке политической борьбы удерживающие называются ретроградными, консерваторами, объявляются тормозом на пути прогресса.

В СССР периода перестройки и в постперестроечной России, когда шло массивное уничтожение ценностной матрицы советского общества, его идеалов, его морали, установившихся норм взаимоотношений людей, таких называли антиперестроечными силами. Разрушали советскую ценностную матрицу с разных сторон: пришедшие к власти политические силы внедряли ценности, заимствованные в странах Запада, одновременно в стране возникли течения, реанимировавшие ценностную матрицу, существовав-

шую в России до революции. Советские ценности защищали неумело, неэффективно, и сегодня они существуют в форме латентной ностальгии у старшего поколения и в форме идеализации прошлого у пока малочисленной части молодежи. Однако советские ценности продолжают существовать как неактуализированная часть ценностного ядра значительной части населения, и профессиональные политики обязаны это учитывать как данность.

Театр военных действий в войне смыслов, в ценностном столкновении сложен и противоречив. Активными проводниками ценностных систем сейчас являются и те политические силы, которые принято именовать либералами, демократами, западниками, и те, которые называют консерваторами, государственниками, имперцами, православными русскими националистами. И если первую — прозападную — группу можно как-то мысленно объединить на основе более или менее определенного ценностного ядра, то во втором перечне объединительным является не общая позитивная ценностная часть — ее трудно определить, — а неприятие базовых прозападных ценностей. Картина усложняется апелляцией к православным ценностям. При этом неявно осуществляется некий не вполне ясный переход от ценностей религиозных к ценностям светским. Образ общества — страны, народа, государства, придерживающегося православных ценностей, — не описан, не сформулирован в категориях политических, экономических, институциональных. Вся эта важнейшая работа не проделана, а понятие «традиционные ценности» уже стало расхожим. Это опасная тенденция: отсутствие образа цели приводит к трагическим

Франклин Рузвельт и Иосиф Сталин на Ялтинской конференции 1945 года

ошибкам. Концепция светского государства, опирающегося на православные ценности, в котором одновременно на равных сосуществуют и другие религии, а также неверующие, ориентирующиеся на что-то свое, должна быть разработана более определенно. Без этого невозможно образ желанного общества, государства использовать как возможную или желанную практическую цель. Общественные ценности изучаются и измеряются социологическими методами. Например, широкое распространение и в мире, и у нас в Рос-

сии получили результаты многолетних исследований Рональда Инглхарта. В них заданы определенные координаты, в которых измеряются и ранжируются страны и народы. Одна шкала простирается от «ценностей выживания» до «ценностей самовыражения», другая от «традиционных ценностей» до «секулярно-рациональных ценностей». Индикаторами являются более сорока параметров, сформулированных в виде парных ценностей, из которых в ходе опроса следует указать предпочтительное. Не вдаваясь здесь в содержательную сторо-

Встреча американских и советских солдат на Эльбе в 1945 году

ну самих исследований, отметим, что полученный результат сам по себе может быть изучен, дополнен, опровергнут, подтвержден в рамках продолжения исследований. Но как только он переходит в область политики — а он в нее давно внедрен, — он становится образцом, мерилom, ориентиром, нормативным делением стран на «хорошие» и «не очень хорошие», на «достигшие» и «не достигшие». Российская политика ориентируется на подобные зарубежные исследования, за недостатком собственных, и тем самым попадает в пространство, где ее место уже определено и направление должного движения обозначено. А должно быть не так. Задание системы координат — это сам по себе акт установления скелета

системы ценностей, приписывания ценностям определенных коннотаций. Поэтому объективность исследований весьма условна, и это важно не упускать из виду. Сегодня мы не располагаем собственной объективной картой общественных российских ценностей, составляемых на основе масштабных, длительных и всесторонних исследований. Важно отметить, что понятие «традиционные ценности» в последнее время используется все чаще и чаще. Но содержание этого понятия определено недостаточно четко, каждый волен вкладывать в него свой смысл. Обращение к понятию «традиционные ценности» встречается и в речах политического руководства России. Так, в ходе выступления перед Феде-

ральным собранием в 2013 году Путин объяснял свое отношение к традиционным ценностям, вспоминая слова Бердяева о консерватизме: «И потому смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур». В августе 2014 года в своем выступлении в Ялте Путин вновь обратился к этой теме: «Мы должны укреплять традиционные ценности, нас в этом многие поддерживают и на Западе, где эти ценности планомерно разрушались. Мы должны раскрыть потенциал нашей страны». То есть словосочетание «традиционные ценности» вошло в политиче-

ский лексикон, но при этом становится все очевиднее проблема наполнения этого понятия содержанием, проблема разночтений. Произвол, царящий в этой сфере, позволяет трактовать смысл традиционных ценностей весьма широко, используя подобные трактовки как инструмент дискредитации политики России, фундаментальных основ ее существования и стратегических целей ее развития. Утверждают, что, мол, Кремль установил новый международный бренд — защиту традиционных ценностей, — который служит идеологической основой для любой антизападной агитации. Наряду с критикой заметны и позитивные оценки и ожидания. Президента РФ называют «новым лидером мирового консерватизма», утверждая, что именно Путин стал самой влиятельной в мире фигурой, которая противостоит мультикультурализму, радикальному феминизму и гомосексуальности.

Словосочетание «традиционные ценности» является широко используемым, и в то же время в общественном сознании понимание того, в чем именно состоят традиционные ценности России, почему их следует сохранять и оберегать, почему они не являются тормозом развития, а наоборот, составляют его основу, остается нечетким. И одновременно любые конструктивные попытки выработать такое понимание подвергаются постоянному давлению, шельмованию и передергиванию.

Расплывчатость и неопределенность понятия «традиционные ценности» характерна не только для массового восприятия, но и видна на уровне политического дискурса. Более того, несмотря на то что именно традиционные ценности составляют краеугольный камень в основании

русской, российской цивилизации, даже в рамках научно-го корпуса знаний эта концепция не обрела устойчивого каркаса, не обеспечена методологией исследования и продолжает оставаться неясным понятием, разорванным на фрагменты по отраслям знаний — культурологии, философии, социологии, политологии и других.

В связи с этим возникают следующие проблемы. Первая — наполнение понятия «традиционные ценности» ясным и понятным содержанием, несущим в себе позитивное ощущение устойчивости и источника развития. Вторая — преодоление разрыва между содержанием понятия «традиционные ценности» в научной и общественной лексике и его содержанием в политической практике. И это особенно тревожно в связи с активным оперированием этим понятием уже в самой что ни на есть практической актуальной политике. На вопрос, что такое традиционные ценности России, нет ответа, который мог бы удовлетворить определенное каким-либо способом большинство населения и действующих политиков.

В реальности содержание понятий «общественные ценности» и «традиционные ценности» становится еще более размытым, как только их пытаются использовать как политический концепт, то есть как инструмент практической политики. В политической лексике они присутствуют де-факто, попадая в нее из бытового и научного словаря, не претерпевая при этом должного осмысления.

Подчеркнем, что один лишь призыв или одна лишь апелляция к ценностям не становятся действенным инструментом практической политики. Даже люди, искренне придерживающиеся, скажем, либеральных ценностей — сколь

бы своеобразно они их ни понимали, — испытывают разочарование в «либеральной» политике, когда видят конкретные действия и конкретные люди в среде политической и иной элиты. «Либерал», отхвативший жирный кусок общественного пирога теми средствами, которые либеральный же рядовой гражданин считает аморальными, вызовет у гражданина отторжение. То же самое происходит и с другими общественными ценностями: коммунистические руководители рядовыми коммунистами воспринимались как «партократы», а жирующий «православный» олигарх — остается «миродом» для рядовых православных граждан. Так происходит потому, что не ценности сами по себе формируют поведение и оценку «правильно-неправильно», а этические системы.

Этические системы

Проблема этики в политике не нова. Ей много столетий, за которые написаны и исследовательские, и нравоучительные тексты. В качестве прямого пособия по практической этике для политиков достаточно вспомнить «Государя» Макиавелли, в котором на уровне инструкции изложено, чем должен руководствоваться политик в своей деятельности. В сущности, именно к проблеме личной морали политика, каковая и определяет его действия, сводятся многие работы в этой области. Но нас побуждает к размышлениям несколько иной угол зрения на проблему: не этические качества политиков, а этические свойства народа — вот что особенно важно, что является не изменчивой мотивацией, а устойчивым качеством, присущим народу на протяжении длительного времени, его этической системой.

Этическая система — это критерии добра и зла, механизм отбора правильного и неправильного, некий поведенческий образец должного, позволяющий выбирать и оценивать намерения, действия и бездействие людей и социальных институтов. Следует подчеркнуть, что именно этическая система, а не ценностное ядро как таковое формирует оценку поведения. Это означает, что, скажем, два социума, обладающие близкими или даже совпадающими ценностными матрицами, но оперирующие разными этическими системами, могут по-разному оценивать одни и те же действия, могут стремиться избирать различающиеся стратегии жизнедеятельности.

Не перегружая статью изложением представлений об этических системах, выработанных в разных отраслях знаний, продемонстрируем лишь некоторые подходы.

Одним из самых известных правил этики является так называемое золотое правило: не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы делали тебе. Этот этический императив в той или иной формулировке встречается во многих древних культурах. Рассматривая поведенческие нормы в оппозиции «я — и все остальные», можно составить все логически возможные варианты соотношений, формулируя их в двух разных подходах — рекомендательном и запретительном.

1. Веди себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению к тебе.
2. Не веди себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению к тебе.
3. Все остальные должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.
4. Все остальные не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

При беглом взгляде может показаться, что во всех четырех формулировках высказана если не одна и та же, то очень сходная мысль, однако это не так. Отличия имеются, и весьма существенные. Нормы, сформулированные в виде запретов — «не веди себя так», «не делай этого», — формируют один тип общества. А нормы, призывающие к следованию образцам — «делай так, как...», — иной. Не менее существенны отличия в поведении, ориентированном на «норму для меня» как исходную или же на «норму для других». Приведенные выше формулировки используются как отличительные, базовые признаки различных этических систем.

Наряду с системой координат «я — и все остальные» рассматриваются и иные. Поскольку темой статьи являются российско-американские взаимоотношения, следует, в частности, упомянуть две этические системы Владимира Лефевра, введенные именно в контексте сравнения США и СССР.

В качестве системы координат здесь рассматриваются два полюса: стремление к компромиссу и отказ от компромисса. Известно — из личного и общественного опыта многих людей, — что стремление к компромиссу в процессе, скажем, спора по-разному оценивается и самими людьми, и обществами, в которых они живут. Есть люди (и общества), которые всегда стремятся найти компромисс в сложных ситуациях, потому что в этом обществе принято считать: отыскать компромисс в условиях разных взглядов спорящих — это хорошо, это позитивно оценивается с моральной точки зрения. В то же время есть люди (и общества), для которых стремление к компромиссу оценивается как слабость и подлежит мораль-

ному осуждению. Этот очевидный эмпирический факт Лефевр формализовал с помощью математического аппарата и разработал модель, позволяющую алгоритмизировать правила, по которым наш ум судит о добре и зле. Согласно Лефевру, в мире существуют лишь две этические системы: представители одной воспринимают компромисс между добром и злом как зло, представители другой — как добро. Утверждение, что в мире существуют лишь две этические системы, не кажется бесспорным. Например, выше мы рассмотрели иные четыре этические системы, описывающие другую модель мира, который в действительности намного сложнее любых моделей. Говорят также о христианской этике, о протестантской этике и других системах, описаны самые разные этические системы, отличия и особенности которых вытекают из иных принципов и целей классификации.

Чаще всего на теорию Лефевра ссылаются в связи с политическими выводами об особенностях СССР (России) и США, чему немало способствовал сам автор, эмигрировавший из Москвы в Америку. Лефевр утверждает, что из отношения к компромиссу вытекает сущность этической системы общества: в одной системе цель не оправдывает средства, а в другой — оправдывает. США отнесены автором к этической системе, в которой компромисс считается добром, а Россия — к системе, в которой к компромиссу не стремятся и где цель оправдывает средства. То есть США — общество более высокой морали, а Россия — общество отсталой, неразвитой морали. При этом Лефевр подчеркивает, что ценностные системы и у СССР-России и у США очень близки, практически одинаковы, поскольку так или иначе про-

Встреча Никиты Хрущева и Джона Кеннеди в Вене в 1961 году

израстают из христианства, а вот поведенческий механизм, проистекающий из разного отношения к компромиссу, разносит их по разным этическим системам.

Трудно, однако, видя современную бескомпромиссную борьбу США с Россией — обозначенной для пропагандистских целей как «путинская», — воспринимать всерьез приписываемую Лефевром и его последователями якобы имеющую место природную, неотменяемую склонность США к поиску компромисса. Трудно назвать стремлением к компромиссу и политику президента Рейгана, в команде которого работал Лефевр, в отношении СССР.

Не стремясь, повторим, в этой статье даже бегло охватить все наработанное в области анализа этических систем, приведенными иллюстрациями мы показываем, что очень многое в этой области уже сделано и сделанное весьма существенно для понимания сути происходящих в обществе процессов. В этой статье мы лишь обозначаем — в самых общих чертах — сложную картину исследования пространства этики, в котором живут и принимают решения люди, социумы, политические лидеры. Мы говорим здесь об этом, потому что убеждены: без этического измерения, без нравственной оценки как базиса конструирования международных отно-

шений не может быть создана новая устойчивая система миропорядка.

Ценности — этика — политика

Проблемой большинства стран является незнание собственной ценностной и этической сути хотя бы на уровне систематизированного осмысления, не говоря уж об использовании этих знаний в политике. В реальной политике подлинное знание подменяется бессознательными отсылками на культурно-исторические традиции, религии, идеологии. Это создает препятствие на пути развития государства, огромную проблему, которая должна быть реше-

Дональд Слейтон и Алексей Леонов на борту орбитального модуля «Союз» в ходе проекта «Союз–Аполлон» в 1975 году

на и переведена в плоскость практической политики.

Взаимосвязь между ценностями, этикой и политикой можно представить в виде пирамиды: ее базис — ценности, над ними — этические системы, то есть способы оперирования ценностями, еще выше — политика, то есть механизмы управления обществами, постановка стратегических и тактических целей. Все три компонента взаимосвязаны. И если эта взаимосвязь осознанна и правильно учитывается, общество — государство — управляется успешно и не возникает разрыва между целями вкуче с применяемыми методами и базисными свойствами общества.

В России этот разрыв не просто огромен — он разрушитель. Мы все время входим в противоречие между политическими и экономическими целями, с одной стороны, и мироощущением народа, его подсознательным, как нам ка-

жется, сопротивлением переменам и реформам — с другой. Делаются скоропалительные выводы о несоответствии народа как такового идеям свободы и прогресса. Такого рода высказывания губительны: как идеи — они ошибочны, как политические лозунги — преступны.

Кроме того, проблемой России и других больших — многонациональных, мультирелигиозных — стран является не только незнание собственного ценностно-этического устройства, но и сосуществование в одной стране сразу нескольких ценностных и этических систем, носителями которых являются значительные массы населения.

Приверженцы каждой считают свою этическую систему правильной, а остальные — порочными. При этом вместо анализа именно этических систем на поверхность, где и происходит реальное противоборство, выходят производ-

ные этих систем — идеологии, политические лозунги и программы, религиозные системы и прочее. И если между этическими системами возможен диалог, возможны динамика и трансформации, то на уровне их производных идет уже только бескомпромиссная борьба. С точки зрения практической политики, нуждающейся в реальных, эффективных рычагах управления общественными процессами, необходимо научиться оперировать на уровне этических систем, а не их производных.

Важно осознавать как необходимость адаптации общества в условиях изменяющейся действительности, так и допустимые пределы трансформаций базисных свойств и признаков общества. Понимание взаимосвязи между системой ценностей и этическими системами позволит, сохраняя систему ценностей неизменной или малоизменяющейся (а она не может и не должна меняться

быстро, это фундаментальное свойство, формирующееся веками), подстраивать под актуальные задачи сохранения и развития те параметры и те функции, которые изменить можно. К таковым, например, относятся оценочные критерии, составляющие часть этической системы.

Вопрос выбора той или иной классификации и способа описания этических систем сам по себе нуждается в предварительном анализе в связи со стремлением ввести эти концепции в сферу практической политики. Подобный переход не представляется тривиальным и вполне может привести к неточным или ошибочным выводам, обусловленным стремлением получить заранее сформулированный, политически заданный ответ, как это происходит, например, с упомянутой концепцией двух этических систем Лефевра или исследованиями ценностей Инглхарта, служащими оправданием заранее заданных политических трендов.

Действующие лица мировой политики должны опираться на ясное и максимально точное знание этических особенностей стран, народов, цивилизаций. Закрывая на это глаза, опираясь только на экономические интересы, мировое сообщество погружается в хаос войны всех против всех. Считая, что в мире должна быть только одна «правильная» этическая система, политические лидеры ведут мир к взаимоистребляющей конфронтации.

Устойчивая система миропорядка

Как заметил Владимир Путин в своем выступлении на Валдайском форуме 2014 года, «...строительство более устойчивой системы миропорядка — сложная задача. Мы смогли выработать правила взаимодействия после Второй миро-

вой войны, смогли договориться в 1970-е годы в Хельсинки. Наша общая обязанность — решить эту фундаментальную задачу и на новом этапе развития».

Решение задачи создания новой устойчивой системы миропорядка требует соблюдения многих условий, первым из которых следует назвать само желание создать такую систему на основе международного консенсуса, а не на основе доминирования одной страны или одного блока — военно-политического, экономического, идеологического или религиозного. Такое желание должно быть высказано, сформулировано как задача, как цель международной политики — именно это и сделал российский лидер. Мы вправе ожидать от мирового сообщества и прежде всего от наиболее влиятельных центров западной политики — таких, как США и Евросоюз, — конструктивного отклика на это предложение.

Предшествующие правила взаимодействия вырабатывались — после окончания Второй мировой войны — на основе баланса военных сил, а позднее — на основе идеологического компромисса, выраженного в советской формуле мирного сосуществования двух систем, а в международной практике — как принципы взаимоотношений во имя безопасности и сотрудничества. Эти факторы и эти принципы продолжают действовать и сегодня, однако мир трансформировался настолько, что предстоит не только зафиксировать и принять или отвергнуть произошедшие изменения и тенденции, но и попытаться ввести в рассмотрение новый базис, новую платформу строительства миропорядка. Таковым базисом, на наш взгляд, должен стать баланс систем ценностей, равновесие этических принципов су-

ществования и развития цивилизаций, стран и народов. Однако в реальной политике это базисное, сущностное качество социумов и образованных ими государств не учитывается. В международном политическом дискурсе при обсуждении этой проблемы используют такие понятия, как «национальные интересы», «взаимное уважение», «международное право», «суверенитет», «принцип невмешательства» и тому подобные производные концепты, в то время как базисные сущности не принимаются в расчет.

Означает ли провозглашенная базисность ценностной матрицы и этики, что в мире противостоят ценности и моральные системы? И да, и нет. Их противоборство очевидно, но не они служат первотолчком и основным мотивом наиболее эффективных и агрессивных акторов международной жизни. Впереди идет алчность. Захватывать земли, порабощать народы, подчинять себе государства, овладевать их богатствами побуждает алчность управителей. Сегодня властители и управители — это не столько цари и президенты, сколько ТНК и ФПГ, пожирающие ресурсы и рынки. А несовпадения идеологий, несовпадения социальных устройств, систем ценностей и морали служат им лишь оправданием и прикрытием подлинной агрессивной мотивации — алчности. Как выразился Алан Гринспен, воспринявший неонацистскую по своей сути этическую систему американской писательницы и философа Айн Рэнд: «Я понял, что капитализм не только эффективен, но и морален».

Идеологии, однако, нужны каждой стране — как одна из форм мыследеятельности, в которой выражены принципы и цели существования, сформулированные на языке и в

Леонид Брежнев и Джеральд Форд в Хельсинки в 1975 году

пространстве политических доктрин.

Экономические стратегии, экономические системы и парадигмы также необходимы каждой стране как выбор инструментов и целей хозяйственной деятельности.

Религии и религиозные организации существуют у каждого народа как естественный результат осмысления человеком существа мироздания и места человека в нем. Религии формируют и передают из поколения в поколение моральные принципы отношений людей друг с другом и с мирозданием.

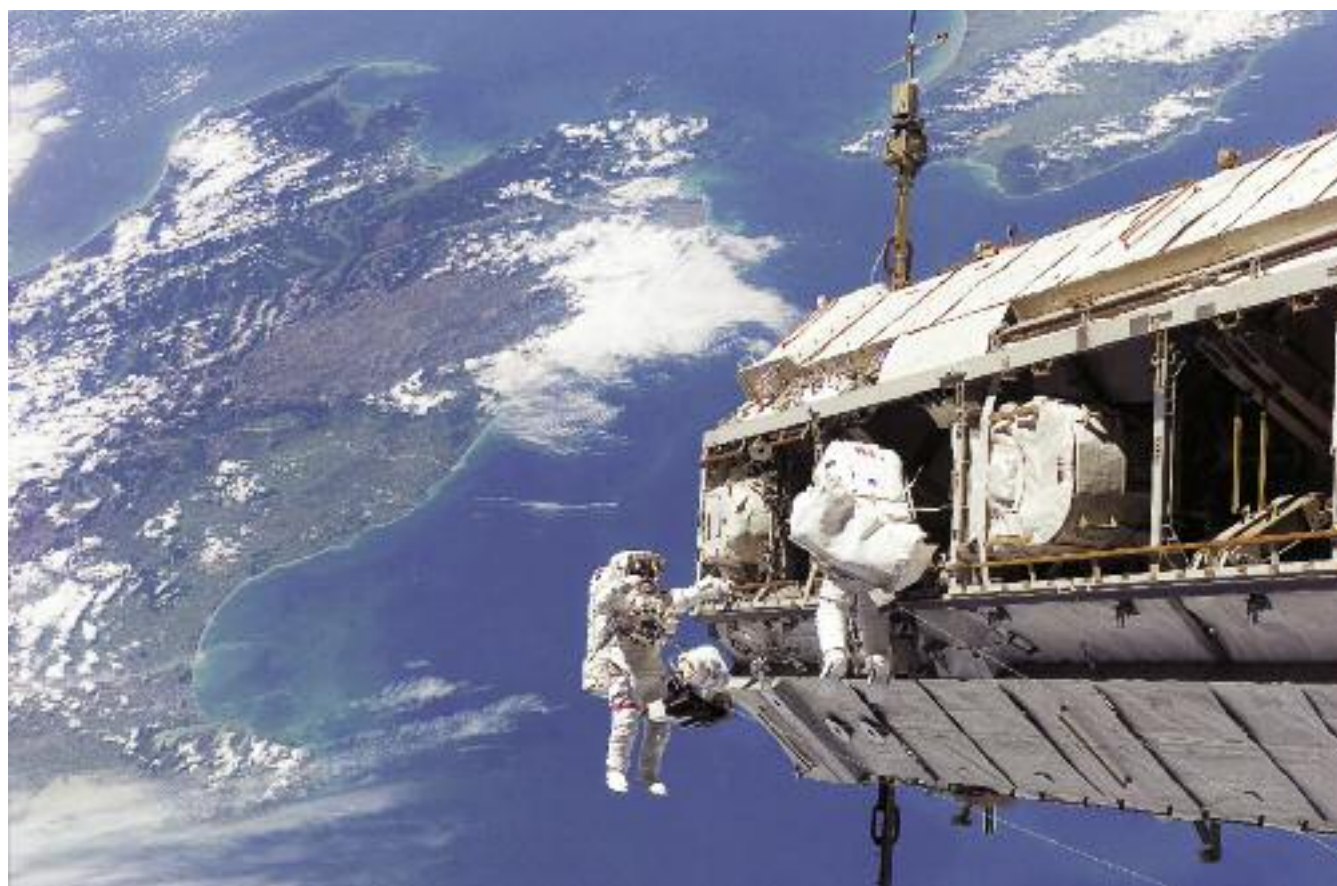
Но базисом для всех этих форм общественного сознания и деятельности являются

ценностные матрицы и этические системы. Именно через этический фильтр отдельные люди и общество в целом оценивают «правильные» или «неправильные» политические, экономические и всякие иные стратегии и парадигмы. Сказанное не отвергает возможность оперировать понятиями «прагматическое» и «этическое» сознание: любой прагматический выбор, сопоставление возможностей по принципу «выгодно—невыгодно» проходят — осознанно или нет — через этический фильтр, существующий всегда и у каждого. То есть, пользуясь этическим сознанием, мы не отказываемся от сознания прагматического. Высокий

уровень развития как раз и отличается осознанной рефлексией по поводу каждого из этих инструментов.

Возникает вопрос: а станут ли политики искать какие-то базисы, если они и без этого считают, что справляются с управлением обществами? На этот вопрос можно ответить, опираясь на два положения. Во-первых, самые общие принципы управления чем-либо состоят в стремлении понять исходные, базисные основания любого явления и процесса, с тем чтобы, воздействуя на базис, добиваться управленческого результата. В связи с этим предстоит осознать, что ценностно-этические основания есть базис по отношению к идеологиям и интересам. Во-вторых, искать новые или дополнительные рычаги управления следует там и тогда, где и когда практическая политика не добивается желаемого, или добивается чрезмерной ценой, или не может осознать долгосрочные стратегические цели. Такая ситуация сейчас в России. В США ситуация еще, быть может, не выглядит столь драматично. Американские политики, возможно, считают, что они справляются с управлением миром, но даже при таком понимании происходящего они должны быть заинтересованы в повышении качества своего управления.

Представим маловероятное: Америка, Европейский Союз, Россия, Китай, Индия, другие влиятельные страны и объединения сели за круглый стол и предъявили друг другу исторически сложившиеся в каждой из них этические системы и базовые принципы собственного существования и развития. Тогда одинаково звучащие слова — «свобода», «справедливость», «равенство», «успех», «счастье» — будут раскрыты как сложные понятия, как концепты, обладающие суще-

МКС над Новой Зеландией

ственными с точки зрения каждого отличиями. Тогда стороны поймут эти отличия и признают не только право каждого на собственный ценностный мир, но и жизненно важную необходимость его сохранения. Тогда возникнет основа для нового миропорядка, станет возможным нахождение уважительного компромисса. Обретя эту основу, учет всех традиционных балансов — военного, экономического, идеологического, религиозного — обретет нравственную и логическую выверенность. Названный баланс — как основа любого устойчивого миропорядка — неотменяем.

В этом месте наших рассуждений нужно сделать важное разъяснение. Всякий призыв к каким-либо дружным и согласованным действиям политиков разных стран выглядит благостной утопией: в действительности мы наблюдаем яростную борьбу политиков, государств, систем —

включая прямые военные действия. И никто никому не хочет уступать, никто не желает идти на компромиссы. В связи с этим не должно быть иллюзий на тот счет, что такие «незаменимые нации», как США, в лице их политиков и интеллектуалов с ходу ухватятся за возможность привести свои этические системы в какие-либо гармоничные отношения с этическими системами других стран. Но можно сказать с уверенностью: та страна, которая начнет постигать собственную и мировую «этическую карту», окажется в выигрышном положении. Потому что это знание — прорыв в новый технологический уклад. Речь не о том очередном технологическом укладе, о котором говорят экономисты. Речь о новых социогуманитарных технологиях, о стадийности которых до сих пор вообще никто не говорил. Постигание и создание этической карты мира — вот акту-

альная, назревшая задача. Выработка языка и принципов использования этого знания в практической политике — высокая цель и рациональный поиск эффективного инструментария. Контуры нового миропорядка, созданного на основе нового базиса практической политики, — образ будущего, который может быть предложен миру.

Так возможно ли скрещивание? Нужно ли?

Мы не можем и не хотим отгораживаться, изолировать себя от остального мира. Мы хотим быть открытыми, но не хотим быть незащищенными. Мы хотим взаимовлияния и взаимообогащения культур, но мы не хотим ассимилироваться, исчезнуть как самобытная целостность и ценность. Мы хотим изменяться с изменяющимся миром, но хотим понимать, что именно при этом в нас изменяется и согласны ли мы на эти изменения. (P)